

UNITED WISDOM

Неоконфуцианство: принцип, жизненная сила и исследование вещей

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-23-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Неоконфуцианство: принцип, жизненная сила и исследование вещей

Эпиграф

> *«Люди — мои братья и сёстры».*

Чжан Цзай, «Западная надпись». Наш перевод короткого фрагмента английского перевода B. W. Van Norden,2006. Космическое родство в этом тексте связано с заботой и исторической иерархией, которую далее следует различить.

О чём эта статья

Можно знать правило уважительного разговора и всё же унизить собеседника. Можно искренне желать добра и выбрать способ помощи, который причинит вред. В обоих случаях человеку недостаёт чего-то более сложного, чем правильная формулировка или хорошее чувство.

Неоконфуцианская философия рассматривает этот разрыв через устройство мира, человеческую природу и обучение. Её трудные слова — ли, ци, гэу — связаны с простым, но требовательным вопросом: как стать человеком, который видит, что происходит, и отвечает уместно?

Разберём, почему принцип не следует представлять отдельной вещью, ци — измеряемой физической энергией, а исследование вещей — механическим разглядыванием предметов. Проследим связь космологии и нравственного воспитания у мыслителей сунской традиции, затем рассмотрим спор Чжу Си и Ван Янмина о знании и действии. Современные примеры обозначают наше применение, а не содержание древних учебных программ.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Возвращение к классикам стало новым философским проектом

Неоконфуцианство — общее название нескольких направлений, а не имя единого учения с неизменной системой. Его развитие связано с возобновлением конфуцианской мысли в эпохи Тан и Сун и последующими спорами. В IEP-обзоре подчёркивается сочетание возвращения к собственным классическим текстам с ответом на буддийские и даосские вызовы. Синтез Чжу Си стал важной опорой образования и экзаменационной культуры, но не отменил иных позиций.

Слово «новое» здесь выражает взгляд историка. Сами мыслители могли понимать работу как восстановление пути, который уже был выражен мудрецами. Это важное напряжение: новое истолкование получает авторитет через верность древнему, хотя изменяет способ, которым древнее читают.

Для читателя возникает задача различать три уровня. Есть ранний текст; есть поздний комментарий, выстраивающий его в систему; есть современное объяснение этой системы. Если не различать уровни, понятие, разработанное через много веков после Конфуция, покажется готовым термином самого Конфуция. Исчезнет история философской работы.

Обновление касалось не только отвлечённой картины космоса. Вопросы семьи, образования, управления и характера требовали основания: почему человеку следует быть человечным, если мир наполнен корыстью и конфликтом? Как возможно обучение, если добродетель уже присутствует в природе? Почему одинаковое нравственное начало выражается так неодинаково?

Поэтому карту движения нельзя свести к двум лагерям — любителям книг и любителям внутреннего озарения. На обеих сторонах спорили о формировании нравственного человека. Различались понимание препятствия, способ его устранения и роль знания. Чтобы увидеть глубину разногласия, сначала нужно разобраться в словаре, которым оно было выражено.

II. Ли: принцип, который обнаруживают в конкретном

Ли 理 переводят как принцип, порядок или узор. Это другое слово, чем ли 禮 — ритуальная уместность, хотя русская транскрипция совпадает. В описании Чжу Си ли выражает упорядоченность вещей, отношений и процессов; его следует искать в их конкретном устройстве. SEP-статья о Чжу Си обращает внимание на его образы древесного рисунка, прожилок и текстуры, позволяющие не превращать ли в отвлечённую схему, оторванную от существования.

Эта оговорка меняет смысл русского слова «принцип». Обычно мы слышим в нём короткую формулу: «всегда поступай так». Но устройство отношения нельзя исчерпать одной инструкцией. Одно и то же действие может быть уместно в разных случаях по разным основаниям; внешне похожие ситуации могут требовать различных ответов.

Наш разбор позволяет различить общее направление и определённость случая. Уважение к человеку задаёт направление, но не решает автоматически, следует ли сейчас говорить, молчать, возразить или попросить помощи. Чтобы увидеть уместное действие, требуется понять участников, обстоятельства и смысл происходящего. Пустая ссылка на принцип может даже закрыть эту работу.

Однако ли нельзя свести и к произвольному вкусу наблюдателя. Если каждый называет собственную склонность порядком мира, понятие теряет объясняющую силу. Для философского проекта существенно, что действующий человек должен учиться распознавать порядок, а не просто выдавать желание за норму.

Здесь полезно удержать различие между описанием и требованием. Мы можем описать устойчивую социальную практику, но её распространённость ещё не доказывает нравственную оправданность. Система неоконфуцианства связывает мировой и нравственный порядок гораздо теснее, чем принято в современной науке. Читатель вправе исследовать эту связь и её основания, сохраняя дистанцию к выводу, что существующая иерархия обязательно выражает должный порядок.

Понимать ли — значит услышать вопрос о соответствии формы отношения его смыслу. Но ответ нужно вырабатывать, а не заимствовать из привлекательной метафоры дерева. Метафора помогает объяснить понятие; она не доказывает всякое нравственное утверждение, которое затем произносится от его имени.

III. Ци: воплощённость, различия и изменение

Ци 氣 переводят как жизненную силу, материальную силу или пневму. В неоконфуцианском словаре оно обозначает динамический материал становления, а не отдельный запас электричества в организме. Ли и ци позволяют говорить об упорядоченности и конкретном осуществлении вместе. IEP-разбор метафизики Чжу Си описывает его синтез как сочетание идей братьев Чэн, Чжан Цзая и Чжоу Дуньи и предостерегает от примитивного понимания двух начал как существующих раздельно миров.

На уровне нашего анализа различие отвечает важной потребности. Если говорить только об общем порядке, трудно объяснить разнообразие конкретных проявлений. Если говорить только о потоке изменений, трудно объяснить, почему изменения имеют

определённое устройство и допускают понимание. Два понятия удерживают обе стороны вопроса.

Перевод «энергия» способен ввести в заблуждение, если читатель незаметно добавляет к нему научные единицы, приборы и доказанные физиологические эффекты. Историческая космология не становится современной физикой благодаря знакомому слову. Можно изучать её философское содержание, не объявляя древний термин экспериментально подтверждённым веществом.

Не следует также превращать различия ци в готовую диагностику личности. Уставший человек может хуже сосредотачиваться; из этого не следует, что мы умеем определить качество его ци и предсказать нравственную судьбу. Такой переход смешивает историческую систему объяснения с наблюдением, которое требует иных методов.

Важен более скромный вывод для чтения: нравственное начало обсуждается в воплощённом существе, обладающем определёнными склонностями и обстоятельствами. Его развитие нельзя понять только через абстрактный образ добродетели. Нужно объяснить, почему возможность не стала осуществлением, где возникает препятствие и что может его изменить.

Это позволяет удержать равенство нравственной возможности без отрицания различий условий. Но возможность не служит обещанием одинакового результата. Люди сталкиваются с неодинаковыми ограничениями, а обучение занимает время. Если считать любой недостаток только нежеланием стать лучше, требовательная философия воспитания превратится в обвинение тех, кому труднее.

Связь этих понятий с человеком включает различение син — природы или склонностей — и цин, эмоциональных состояний. В IEP-обзоре ум-сердце рассматривается как место их объединения; эмоции не объявлены злом сами по себе, проблема касается их односторонности и меры.

Наш анализ этого различия позволяет избежать ещё одной ошибки перевода: нравственный порядок не обязательно требует человека, у которого ничего не происходит внутри. Если отвергнуть чувство целиком, станет трудно объяснить саму человечность, включающую способность откликнуться на чужое страдание. Требуется различать наличие переживания и способ его осуществления.

При этом сильное чувство не получает автоматического авторитета. Возмущение может соответствовать причинённой несправедливости, а может защищать личное преимущество. В обоих случаях человек переживает его искренне в обычном смысле слова. Поэтому философская искренность и уместность требуют большего, чем доказательство, что эмоция действительно испытана.

Воспитание в таком прочтении не должно сделать чувство фальшивым. Оно должно помочь увидеть его предмет, меру и связь с другими обязанностями. Тогда вопрос о порядке относится и к живому отклику, и к размышлению: они участвуют в одном действии, но ни один не получает права заранее заглушить другой.

IV. Космос и забота: почему метафизика имеет нравственный адрес

В «Объяснении схемы Великого предела» Чжоу Дуньи связывает становление мира, полярности и пять фаз с человеческой природой и деятельностью мудреца. IEP-разбор этого произведения показывает, что космологическая часть переходит к человеческим добродетелям: рассказ о мире одновременно становится рассказом о должном участии человека в нём. Это не естественнонаучная теория, отделённая от этики.

Сам переход нуждается в осмыслении. Из того, что мир изменяется, ещё не очевидно, почему я должен помогать другому. Неоконфуцианская система не просто добавляет совет о доброте к описанию природы. Она понимает человеческую нравственность как выражение более общего порядка и творческого процесса. Для согласия с этим требуется принять философские предпосылки, а не только наблюдать смену времён года.

Иной образ связи даёт «Западная надпись» Чжан Цзая. В прочитанном переводе ян назван отцом, инь — матерью; люди представлены как родственники, живые существа — как спутники. От этой картины текст переходит к заботе о старых, слабых и тех, кто остался без поддержки. В университетском переводе Брайана Ван Нордена сохранён и иерархический язык правителя как старшего сына: всеобщее родство здесь не тождественно современной идее равных политических прав.

Наше чтение может видеть в надписи расширение круга ответственности. Чужое несчастье перестаёт быть событием за пределами моего мира. Но расширение не устраняет различий отношений: текст не требует одинакового действия по отношению к каждому существу. Вопрос скорее в том, может ли кто-то быть полностью исключён из заботы.

Это отличие существенно. Всеобщая связь легко превращается в красивое чувство без определённого адресата. Забота становится проверяемой, когда обнаруживает тех, у кого нет возможности потребовать её. Поэтому слабость и отсутствие поддержки играют в надписи содержательную роль: философская картина должна быть видна в отношении к уязвимому.

Современный читатель вправе принять этот вопрос, не соглашаясь со всей семейной моделью государства. Следует только назвать такой шаг собственным выбором. Тогда исторический текст остаётся собеседником, а не удобным подтверждением уже готовых политических убеждений.

V. Исследование вещей: обучение вниманию, а не культ разглядывания

Гэу 格物 — спорное выражение из «Великого учения». Его переводят как исследование вещей, а сами «вещи» могут включать дела и ситуации. В учебном переводе Роберта Ино отдельно отмечены текстовая лакуна и неоднозначность выражения. Ино не принимает целиком метафизическую рамку Чжу Си; поэтому его перевод нельзя выдавать за голос самого Чжу Си.

Для Чжу Си исследование связано с различением порядка конкретного и с нравственной уместностью. В SEP эта работа описывается вместе с цзин — благоговейной собранностью, внимательностью. Знание случая и состояние действующего человека образуют связанные стороны воспитания.

Если ограничиться внешним наблюдением, можно собрать много сведений и сохранить прежнюю корыстную установку. Если ограничиться внутренней чистотой намерения, можно искренне не заметить важного обстоятельства. Сочетание двух задач позволяет поставить вопрос о внимании, которое не служит одному лишь самоутверждению.

Условный современный пример: человек хочет помочь родственнику учиться. Он прочитал убедительную теорию и составляет строгий распорядок. Но не узнаёт, какой предмет вызывает затруднение, что уже пробовали и сколько времени реально доступно. Намерение помощи не заменяет исследование конкретного случая. В то же время подробное знание трудностей не помогает, если используется для унижения.

Такой пример — наше применение, а не реконструкция сунского урока. Он показывает, почему формула «изучи вещи» не равна накоплению информации. Требуется вопрос, различение существенного и проверка того, что понято. Не всякая подробность одинаково значима; не каждый долгий взгляд превращается в знание.

Текст тоже может быть предметом исследования. Внимательное чтение требует понять контекст, значение слов и связь утверждений. Учебная дисциплина и открытость обстоятельствам не обязательно противоречат друг другу. Противоречие возникает, когда текст используют как готовую замену встрече с ситуацией или когда личный опыт объявляют достаточным без всякой проверки понятиями и чужим знанием.

VI. Образование и искренность: путь от себя к общему миру

В предисловии к комментарию на «Великое учение» Чжу Си описывает идеализированный порядок древнего образования: повседневные формы поведения предшествуют высшему учению о природе, уме и управлении. Он связывает общую добрую природу с различиями воплощения и необходимостью наставления. Фрагмент Columbia показывает эту связь непосредственно. Его картину древней всеобщей школы нельзя без дополнительной исторической проверки принимать за документальную статистику.

Значение этой последовательности можно разобрать отдельно от её исторической достоверности. Поведение не становится нравственным только потому, что человек выучил возвышенные определения. Отношение к другим складывается через повторяющиеся действия: как человек отвечает, берёт на себя роль, исправляет ошибку и участвует в общем деле. Философское понимание должно встретиться с этой повседневной формой.

В «Великом учении» движение от знания и намерения к воспитанию себя, семье и общественному порядку задаёт связанность уровней. В прочитанном фрагменте перевода Ино искренность рассматривается как отсутствие самообмана, а симпатия и неприязнь — как возможные источники пристрастного суждения. Это помогает увидеть, что забота о себе здесь имеет общественные последствия.

Наш вывод не должен быть механическим: хороший характер руководителя не гарантирует справедливого устройства организации. Правила, распределение полномочий и возможность критики имеют собственное значение. Если все проблемы объяснять только недостатком личной добродетели, можно перестать видеть устройство, которое вознаграждает вредный поступок.

Но и обратное сведение недостаточно. Смена правил не уничтожает самообман. Человек может пользоваться справедливой процедурой так, чтобы скрывать фаворитизм. Поэтому историческое требование искренности задаёт вопрос, который сохраняется после институциональной реформы: насколько мои объяснения совпадают с действительными основаниями выбора?

Самопроверка не равна постоянному подозрению к себе. Она ищет определённое несоответствие. Я говорю, что ценю общее дело, но готов терпеть задержку только от любимого участника. Я утверждаю, что исследую вопрос, но собираю лишь удобные подтверждения. Такое несоответствие можно назвать и исправить без превращения человека в окончательный нравственный диагноз.

VII. Ван Янмин: знание проверяется действием

Ван Янмин развивает учение о единстве знания и действия и о лянчжи — изначальном нравственном знании. SEP-разбор его философии показывает полемический смысл этого подхода: словесное признание добра ещё не считается полным нравственным знанием. Вместе с тем там рассмотрены и возражения: наличие верного представления и соответствующей мотивации не всегда гарантирует осуществлённый поступок.

Для нашего сравнения вопрос можно выразить так: что именно человек знает, когда свободно повторяет правило, но систематически действует иначе? Один ответ допускает разрыв: правило известно, воля не справляется. Другой ужесточает смысл слова «знать»: глубокое нравственное понимание уже включает направление действия. Тогда правильный ответ на вопрос оказывается лишь началом знания.

Это различие не разрешается одним современным тестом. Можно проверить, способен ли человек назвать норму, но этим мы заранее выбрали первый смысл знания. Можно судить только по поступку, но тогда возникнет другой риск: реальные препятствия будут приняты за отсутствие понимания. Философский спор заставляет определить, что именно мы хотим воспитать и оценить.

Разницу можно сделать конкретнее через собственный условный случай. Два человека обещали передать материалы тому, кто учится, и материалы вовремя не получены. Один предпочёл удобное занятие и не предпринял ничего. Другой подготовил передачу, обнаружил закрытый доступ и сообщил о препятствии. Ожидаемый результат одинаково отсутствует, но действия различаются. Если оценивать нравственное понимание только по конечному результату, эта разница исчезнет. Если достаточно одного заверения о добром намерении, исчезнет различие между действительно предпринятым шагом и его красивым описанием.

Для нашего чтения спора это означает необходимость заранее определить предмет оценки. Проверяется способность назвать должное, направленность выбора, совершённое действие или достигнутый эффект? Переходы между ними существенны, но не автоматичны. Условный случай не опровергает и не доказывает учение Ван Янмина: он уточняет, какое возражение мы к нему предъявляем. Вместо общего упрёка о разрыве знания и жизни появляется определённый вопрос о том, что именно в ситуации не было осуществлено и по какой причине.

Важно также не делать из Ван Янмина проповедника любого импульса. «Внутреннее» не тождественно «то, что мне сейчас захотелось». Если желание удобно, оно ещё не стало нравственным знанием. Полемика направлена против разрыва между учёбой и жизнью, а не против способности различать корысть и заботу.

Чжу Си, со своей стороны, также не следует изображать учителем, который разрешает только читать и запрещает действовать до полной энциклопедии мира. Такая карикатура делает спор слишком лёгким. Разногласие касается устройства воспитания и источника надёжности: что возвращает человеку нравственную ясность и как она укрепляется в конкретном действии?

Сохранять оба вопроса продуктивнее, чем объявить победителя лозунгом. Требуется знать обстоятельства, чтобы доброе намерение не стало слепым; требуется действовать, чтобы обучение не превратилось в бесконечную отсрочку. Исторические мыслители по-разному обосновывают эту связь, и различие обоснований не стоит стирать удобным объединением.

VIII. Спор о системе: достаточно ли воспитанного человека

Разногласия внутри движения касались не только пути внутрь себя. Чэнь Лян оспаривал достаточность философского синтеза Чжу Си для сложности общественных дел и подчёркивал роль законов и общего блага. В IEP-обзоре эта полемика показывает, что сунскую мысль нельзя полностью вместить в перечень мыслителей, выбранных Чжу Си для линии передачи пути.

Наш анализ такого возражения возвращает статью к её началу. Хорошее намерение может не привести к хорошему результату, если человек неверно понял ситуацию. Но даже точное понимание одного нравственного человека не решает автоматически задачу порядка между многими. Необходимо устроить отношения так, чтобы участники могли учитывать общую меру, узнавать о последствиях и исправлять нарушения.

Здесь разница между личной добродетелью и общественной формой становится содержательной. Первая относится к тому, как человек воспринимает и выбирает. Вторая — к тому, какие возможности и ограничения возникают между участниками. Они могут поддерживать друг друга, но слово «добрый» не является описанием правил, а слово «правило» ещё не является характеристикой намерения.

Если философская система обещает упорядочить всё одним основанием, она приобретает объясняющую силу и одновременно рискует перестать замечать то, что не подходит к основанию. Любое несоответствие можно объявить недостатком конкретного человека, сохранив систему без исправления. Поэтому возражение о сложности дел важно даже читателю, которого привлекает цельность неоконфуцианской картины.

Однако отказаться от общего основания тоже недостаточно. Без него практическая приспособляемость может означать просто обслуживание сильного интереса. Требуется объяснить, чьё благо называется общим и почему удобный результат оправдан. Спор не

разрешается выбором между возвышенной теорией и трезвым опытом: каждой стороне остаётся ответить на вопрос, который другая делает видимым.

Похожая проблема возникает при передаче традиции. Система помогает учиться: слова получают определённые связи, тексты — порядок, вопросы — последовательность. Но учебный порядок не должен скрывать историю своего составления. Если перечень признанных предшественников принимается за полный перечень существовавшей мысли, исчезают альтернативы и реальное содержание спора.

Для современного чтения это означает необходимость двух движений. Сначала понять систему изнутри: зачем различаются ли и ци, как воспитание связано с познанием, почему классика служит руководством. Затем вернуться к тому, что система могла ограничить: иным мыслителям, неодинаковым обстоятельствам и трудностям применения. Второе движение не отменяет первого; без внутреннего понимания критика легко станет спором с собственной упрощённой картинкой.

Такой подход позволяет сохранить уважение к философскому усилию без обещания, что одна связная картина заранее решит любую задачу. Зрелость чтения обнаруживается в способности назвать и объясняющую возможность учения, и вопрос, на который оно пока не дало достаточного ответа. Традиция тогда становится местом работы мысли, а не набором терминов для подтверждения нашего авторитета.

IX. Порядок мира и правильный поступок нельзя соединить одним похожим словом

Общий порядок, формирование человека и действие встречаются в нескольких философиях, но их связь обосновывается по-разному. Сравнение полезно там, где привычное слово «принцип» создаёт ложное ощущение одинаковости. Нужно проверить, что считается порядком, как его распознают и почему он обязывает.

Со Спинозой в академическом изложении «Этики» I неоконфуцианскую мысль можно сопоставить по несамодостаточности отдельного существования. Однако его единая субстанция не является переводом ли. Ли описывает принцип/узор в конкретных вещах и отношениях внутри другой системы. Если назвать оба понятия «единым основанием», останется узнать почти всё существенное: какую работу это основание выполняет, как связано с различиями и что из него следует для нравственности.

Иное сопоставление открывает Ван Янмин. В «Энхиридионе» Эпиктета, §51 сформулирована трудность философа, который понимает доказательство нормы и не применяет её. Это соседний вопрос к единству знания и действия: какой результат обучения считать достигнутым? Но Эпиктет этим не устанавливает лянчжи и не

принимает всю неоконфуцианскую метафизику. Сходный упрёк остаётся содержательным без общего определения морального знания.

«Федр» Платона, 275d–276a, позволяет ещё раз различить записанное слово и живую способность отвечать. Здесь можно увидеть вопрос, важный для чтения классики и гэу: как сохранённая формула становится пониманием нового случая? Однако платоновский диалог не является сунским комментарием. Даже если оба допускают учителя и трудное чтение, происхождение нормы и устройство обучения остаются разными.

Такая карта удерживает исходный разрыв статьи. Человек может верно назвать правило и ошибиться в случае; может иметь хорошее намерение и защищать пристрастие. Ни широта метафизики, ни готовая цитата не выполняют за него исследование. Но и один полезный результат не доказывает, что все философские основания взаимозаменяемы.

Поэтому зрелое сравнение не обязано завершиться единой системой. Оно может завершиться более точным вопросом: что именно следует знать, чтобы забота получила уместную форму? Для Чжу Си и Ван Янмина этот вопрос входит в конкретный спор о воспитании. Сопоставление помогает его услышать, сохраняя необходимость вернуться к их собственным текстам, а затем к тому действию, за которое отвечает читатель.

X. Завершение: порядок не освобождает от внимания

Неоконфуцианство связывает вопросы, которые легко разнести по отдельным полкам: устройство мира, человеческую возможность добра, обучение, семейные отношения и общественное действие. Его понятия требуют терпеливого чтения именно потому, что работают внутри этой связи.

Ли не следует превращать в оторванную инструкцию; ци — в научно измеренный запас силы; гэу — в бессмысленное разглядывание. За словами стоит задача понять, как общее нравственное направление становится уместным поступком конкретного человека. Чжу Си и Ван Янмин спорят о пути к этой способности, и спор сохраняет смысл, когда мы не подменяем его карикатурами.

Современному читателю не нужно заранее принимать всю космологию, чтобы увидеть требование к вниманию и искренности. Но полезно честно различать понимание традиции и выбор того, что мы берём из неё для своей жизни. Такое различение защищает и историческую мысль, и наш собственный вопрос от слишком лёгкого ответа.

Правильное слово ещё не делает действие правильным. Доброе чувство ещё не показывает, что случай понят. Между ними остаётся работа: увидеть обстоятельства, заметить заинтересованность и ответить так, чтобы забота получила определённую форму.

Что это значит на практике

Можно начать с одной ситуации, где правильная формула не привела к хорошему действию. Опишите её без оценки характера целиком. Например: помощь была обещана, но человек не узнал, в чём она состоит; правило было известно, но при распределении работы сделано исключение в собственную пользу. Это условные случаи, не положения древнего текста.

Затем разделите вопросы. Что я считал должным? Что происходило в действительности? Какое обстоятельство я не проверил? Какая заинтересованность повлияла на объяснение? Здесь различение принципа, конкретного осуществления и исследования помогает увидеть структуру ошибки, не требуя принять историческую космологию как научную модель.

Следующий шаг — небольшое исследование. Спросите участника, прочитайте действительную договорённость, уточните ограничение времени или ресурсов. Не подменяйте это сбором бесконечной информации. Нужно установить то, что способно изменить решение. Если никакое наблюдение не может его изменить, возможно, исследование только украшает заранее выбранный ответ.

После уточнения выберите действие, в котором намерение станет видимым. Исправить распределение, выполнить определённую часть обещанного, признать неудобный факт. Нравственное развитие трудно оценивать только по глубине внутренней речи. Человек может очень тонко говорить о собственном росте и оставлять другим прежнюю нагрузку.

Затем проверьте последствия. Стало ли действие уместнее для тех, кого оно затронуло? Удалось ли сохранить границу? Появились ли новые сведения? В этой точке приходится вновь исследовать случай. Поступок не завершает обучение навсегда; он даёт материал для следующего различения.

И наконец, не присваивайте себе право объяснить чужую личность через качество ци. Для практического разговора достаточно наблюдаемых действий, условий и требований. Исторический язык помогает понять философскую традицию; современное решение нуждается в основаниях, которые участники могут обсуждать и проверять.

Ключевая цитата

> *«Сделать намерения вполне подлинными — значит не обманывать себя».*

«Великое учение», комментарий к искренности намерений, II.B.3 в учебном переводе Роберта Ино, 2016, печатная с. 14. Наш перевод с английского. Это первичная фраза

классического текста в данной версии, а не собственные слова Чжу Си и не подпись исторического Конфуция. Искренность здесь требует исследовать самообман; одного подтверждения силы своего чувства недостаточно.

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Таблица показывает общий вопрос и предел сходства; историческое влияние не устанавливается одним совпадением формулировок.

Позиции	Сходство	Граница
Ли/ци у Чжу Си ↔ Спиноза	Изолированное существование не исчерпывает общую картину.	Ли и ци не являются соответственно субстанцией и модусами Спинозы.
Ван Янмин ↔ Эпиктет, §51	Объяснение нормы ещё не обеспечивает правильного действия.	Лянчжи и единство знания/действия не следуют из стоического упрёка.
Гэу и цзин у Чжу Си ↔ Аристотель, II,6	Уместность не выводится из механического одинакового правила.	Нравственная середина не является ли, а гэу не сводится к выбору порции.
Образование Чжу Си ↔ Платон, Федр	Наследуемое слово требует освоенной способности понимать.	Сунское обучение и платоновская диалектика имеют разные основания и порядок.
Чжан Цзай ↔ Чжоу Дуньи ↔ Великое учение	Картина мира и воспитание обращены к человеческому участию.	Космическое родство, схема становления и работа против самообмана — разные способы связи.

Первоисточники

• Neo-Confucian Philosophy, Internet Encyclopedia of Philosophy: историческое развитие и общий понятийный словарь.

• Zhu Xi, Stanford Encyclopedia of Philosophy: ли, нравственное воспитание, исследование вещей.

• Zhu Xi, Internet Encyclopedia of Philosophy: метафизический синтез и разногласия.

• Zhou Dunyi, Internet Encyclopedia of Philosophy: «Объяснение схемы Великого предела» и связь космоса с этикой.

• Чжан Цзай. The Western Inscription, перевод B. W. Van Norden, 2006.

• Чжу Си. Preface to the Great Learning by Chapter and Phrase, Columbia University, фрагмент из Sources of Chinese Tradition, 1999, с. 722–725.

• The Great Learning and The Doctrine of the Mean, учебный перевод Robert Eno, 2016: прочитанные фрагменты «Великого учения» и комментарии переводчика.

• Wang Yangming, Stanford Encyclopedia of Philosophy: единство знания и действия, интерпретации и возражения.

• Baruch Spinoza. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Академическое изложение единой субстанции и конечных модусов..

• Эпиктет. Энхиридион, §§1, 5, 51, перевод Elizabeth Carter. Первичный текст: представление, суждение и осуществление философии..

• Платон. Федр, 274c–277a, перевод Benjamin Jowett. Первичный текст: письмо, память и живое обучение..

• Аристотель. Никомахова этика, II, 1 и 6, перевод W. D. Ross. Первичный текст: привычка и середина относительно человека..

Теги

неоконфуцианство, Чжу Си, Ван Янмин, Чжан Цзай, Чжоу Дуньи, Чэнь Лян, братья Чэн, ли, ци, гэу, цзин, лянчжи, син, цин, ум-сердце, принцип, узор, жизненная сила, исследование вещей, Великое учение, Западная надпись, единство знания и действия, искренность, самообман, нравственное воспитание, классика, космология, институции, Спиноза, Эпиктет, Платон, Аристотель, уместность

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.